

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ юнѣ 1841 г.

Собирая матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича Лермонтова, я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ отношеніе къ нему, съ просьбою сообщить, что они знаютъ о любимомъ нашемъ поэтѣ. Между прочими свѣдѣніями получилъ я сообщеніе отъ полтавскаго и екатеринославскаго помѣщика Петра Ивановича Магденки, изъ котораго привожу здѣсь извлеченіе.

П а в. В и с к о в а т ы й.

...Съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь, какъ могу, передать вамъ о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ М. Ю. Лермонтовымъ, котораго я въ своемъ дормезѣ отвезъ въ Пятигорскъ, какъ бы на смерть.

Лѣтомъ 1841 года я, въ 4-хъ мѣстной коляскѣ, съ поваромъ и лакеемъ, въ качествѣ ремонтера Борисоглѣбскаго уланскаго полка, съ дорожною «по казенной надобности», катилъ съ лихой четверней къ городу Ставрополю. (Въ то время на Кавказѣ возили на почтовыхъ превосходно, какъ нигдѣ въ Россіи). Мы остановились передъ домомъ, въ которомъ внизу помѣщалась почтовая станція, а во второмъ этажѣ, кажется, единственная тогда въ городѣ гостинница. Покуда человекъ мой хлопоталъ о лошадяхъ, я пошелъ наверхъ и, въ ожиданіи обѣда, сталъ бродить по комнатамъ гостинницы. Помѣщеніе ея было довольно комфортабельно: комнаты высокія, мебель прекрасная. Большія растворенныя окна дышали свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Было обѣденное время, и я съ любопытствомъ озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военные лица, костюмы—ни одного штатскаго, и все почти раненые: кто безъ руки, кто безъ но-

ги; на лицахъ рубцы и шрамы; были и вовсе безъ рукъ или безъ ногъ, на костыляхъ; немало съ черными широкими перевязками на головѣ и рукахъ. Кто въ эполетахъ, кто въ сюртукѣ. Эта картина сбора раненыхъ героевъ глубоко запала мнѣ въ душу. Незадолго передъ тѣмъ было взято Дарго. Многіе изъ присутствовавшихъ участвовали въ славныхъ штурмахъ этого укрѣпленнаго аула.

Зашелъ я и въ билліардную. По стѣнамъ ея тянулись кожаные диваны, на которыхъ возсѣдали штабъ и оберъ-офицеры, тоже большею частью раненные. Два офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, одного и того же полка, играли на билліардѣ. Одинъ изъ нихъ, по ту сторону билліарда, съ лѣвой моей руки, первый обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ былъ средняго роста, съ некрасивыми, но невольно поражающими каждаго, симпатичными чертами, съ широкимъ лицомъ, широкоречій, съ широкими скулами, вообще съ широкою костью всего остова, немного сутуловать, словомъ—то, что называется «сбитый человѣкъ». Такіе люди бываютъ одарены болѣе или менѣе почтенною физическою силой. Въ партнерѣ его, на котораго я обратилъ затѣмъ свое вниманіе, узналъ я бывшаго своего товарища Нагорничевскаго, поступившаго въ Тенгинскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Мы сейчасъ узнали другъ друга. Онъ передалъ кѣй другому офицеру и вышелъ со мною въ обѣденную комнату.

— Знаешь ли съ кѣмъ я игралъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ! гдѣ же мнѣ знать—я впервые здѣсь.

— Съ Лермонтовымъ; онъ былъ изъ лейбъ-гусаръ за разныя проказы переведенъ, по высочайшему повелѣнію, въ нашъ полкъ и ѣдетъ теперь по окончаніи отпуска изъ С.-Петербурга къ намъ за Лабу ¹⁾.

Отобѣдавъ и распростаясь съ бывшимъ товарищемъ, я продолжалъ путь свой въ Пятигорскъ и Тифлисъ. Чудное время года, молодость (мнѣ шла 24-я весна) и дивныя, никогда и не снившія-

¹⁾ Возвратясь изъ отпуска, Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся генералу Граббе, который, выѣхавъ въ отрядъ, по просьбѣ Лермонтова, дозволилъ ему оставаться нѣсколько времени въ Ставрополѣ и затѣмъ уже догонять отрядъ за Лабой. Внезапное рѣшеніе Лермонтова посѣтить Пятигорскъ, о чемъ рассказывается ниже, было самовольнымъ поступкомъ, на который Граббе очень сердился.

ся картины величественнаго Кавказа, который смутно чудился мнѣ изъ описаній Пушкинскаго «Кавказскаго Плѣнника», наполняли душу волшебнымъ упоеніемъ. Во всю прыть неслися кони, погоняемые молодымъ осетиномъ. Онъ вгонялъ ихъ на бручу и, когда кони, обезсилѣвъ, останавливались, быстро соскакивалъ, подкладывая подъ заднія колеса экипажа камни, давалъ имъ передохнуть, и опять гналъ и гналъ во всю прыть. И вотъ, съ горы, на которую мы взобрались, увидалъ я знаменитую гряду Кавказскихъ горъ, а надъ ними двухъ великановъ: вершины Эльбруса и Казбека, въ неподвижномъ величіи, казалось, внимали одному Аллаху. Стали мы спускаться съ крутизны—что-то на дорогѣ въ долинѣ чернѣется. Приблизились мы и вижу я сломавшуюся телѣгу, тройку лошадей, ямщика и двухъ пассажировъ, одѣтыхъ по кавказски, съ пашками и кинжалами. Придержали мы лошадей, спрашиваемъ: чьи люди? Люди въ папахѣхъ и черкесахъ верблюжьяго сукна отвѣчали просьбою сказать на станціи господамъ ихъ, что съ ними случилось несчастіе—ось сломилась. Кто господа ваши? «Лермонтовъ и Столыпинъ»,—отвѣчали они разомъ.

Пріѣхавъ на станцію, я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ и увидалъ, уже знакомую мнѣ, личность Лермонтова, въ офицерской шинели съ отогнутымъ воротникомъ—послѣ я замѣтилъ, что онъ и на сюртукѣ своемъ имѣлъ обыкновеніе отгнать воротникъ—и другаго офицера чрезвычайно представительной наружности, высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ низкоостриженною прекрасною головою и выразительнымъ лицомъ. Это былъ—тогда, кажется, уже капитанъ гвардейской артиллеріи—Столыпинъ. Я передалъ имъ о положеніи слугъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, только что прискакавшій, фельдъегерь съ кожанною сумой на груди. Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ Лермонтовъ, съ кликомъ: «а, фельдъегерь, фельдъегерь!» подскочилъ къ нему и началъ снимать съ него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпинъ сталъ говорить, что они ѣдутъ въ дѣйствующій отрядъ, и что, можетъ быть, въ немъ есть письма изъ Петербурга. Фельдъегерь утверждалъ, что онъ посланъ «въ армію къ начальникамъ»; но Лермонтовъ сунулъ ему что-то въ руку, выхватилъ суму и выложилъ хранившееся въ ней на столъ. Она, впрочемъ, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались толь-

ко запечатанные казенные пакеты; писемъ не было. Я не мало удивлялся этой продѣлкѣ. Вотъ что, думалось мнѣ, могутъ дозволять себѣ петербуржцы.

Солнце уже закатилось, когда я приѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я рѣшился остаться ночевать и, въ ожиданіи самовара, пошелъ прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночнаго пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжіи унтеръ-офицеръ. Я, съ своей стороны, тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая что-то въ родѣ того, что лучше же прибегнуть къ храбрости на время какой либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь и онъ-то кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли что у кого было съѣстнаго, явилось на столъ вахетинское вино, и мы разговорились. Они спрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ, конечно, доступны не будутъ...

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ назвалъ еще нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ,—тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ и являться къ нему нечего, ничто

намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ». Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ стоялъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ. Изъ Георгіевска мнѣ приходилось ѣхать въ одну сторону, имъ—въ другую.

Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. Ну что,—спросилъ я его,—рѣшаетесь, капитанъ? «Помидуите, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію поспешилъ и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшоткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ, и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшоткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина, узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я,—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ.

Лошади были поданы. Я пригласилъ спутниковъ въ свою коляску. Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ, Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немислимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ.

Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ

я услышалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жесткое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Проможіе до костей, приѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостинницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки. Минуть черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину:

— «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь. Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

Именемъ этимъ Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго, а потомъ скоро противника, которому рокъ судилъ убить надежу русскую на поединкѣ.

Я познакомился въ Пятигорскѣ со всѣми людьми, бывавшими у Лермонтова; но вѣсть о печальной кончинѣ поэта нагнала меня уже внѣ Пятигорска.

Петръ Магденко.

Сообщ. Пав. А. Висноватый.

Дерптъ.